

Александр Вельтман

Не дом, а игрушечка !

**Вельтман Александр
Не дом, а игрушечка !**

А.Ф.ВЕЛЬТМАН НЕ ДОМ, А ИГРУШЕЧКА!

I

Мы, люди, вообще многого не знаем, многого не видим, что около нас делается, не ведаем всего, что на свете есть и чего нет. Такова, верно, природа людей; в этом-то, может быть, и заключается сущность вела: видеть и в то же время не видеть, знать и в то же время не знать. Например, все знают, что Москва сгорела во время нашествия французов; а кто знает, что сгорело в ней кроме домов и кроме имущества жителей? Москва отстроилась на показ, на славу, стала великолепнее и в то же время грустнее, скучнее, точно как будто внутренний свет, эта беззаботная веселость духа вылилась наружу и оставила сердце в потемках. - Что ему там делать? - Сидит себе ни гугу. Отчего это? - Оттого, что кроме зданий и имущества погорели в Москве старинные домовые.

Как это ни странно кажется теперь, но в старину было правдой. Старинный дедушка-домовой был не призрак, не привидение, не гороховое пугало, а вот что: как говорится,

во время оно каждый родоначальник, укореняясь на новоселье, с каждым новым поколением принимал почетные звания отца, деда, прадеда, прапрадеда, все жил да жил и рос в землю; год от году все меньше и меньше и наконец хоть снова в колыбельку. Дадут ему с ложечки молочка, он и заснет спокойно; а вся семья ходит на цыпочках, чтоб не потревожить дедушкина дедушку. Достигнув до возраста семимесячного ребеночка, дедушка, проснувшись в последний раз, среди белого дня говорил: "Детушки, и на печке стало мне холодно, оденьте-ка меня в белый балахончик, укутайте да уложите в печурочку. Я сосну, а вы себе живите да поживайте, не заботьтесь обо мне, а поминать поминайте: пищи мне не нужно, только в сорочины блинков напеките да крещенской водицы поставьте. Белого дня мне уже не вынести, а придет иное время - проснусь в ночку, посмотрю, сладок ли сон ваш. Мирно все будет, и я буду мирен; а как постучу, так смотрите, оглядывайтесь, помните, что дедушка стучит недаром. Ну, вот вам последнее слово: держите совет и любовь".

Боясь дедушки-домового, все от старого до малого свято исполняли его последнее слово. Им в семье хранился мир: жили к старшим послушно, с равными дружно, с младшими строго и милостиво. Ладно и весело на сердце. А чуть что не так, дедушка стукнет, все смолкнут, оглянутся - дедушка, дескать, стучит недаром. Стерегись.

Бывало, деревянный дом, а стоит-стоит - и веку нет; стены напитаются человеческим духом, окаменеют; вся крыша прорастет мохом - гниль не берет.

То были времена, а теперь другие: и теперь есть домовый - да внутри нас; тоже заголосит подчас, да про глухого тетерева.

Вот в чем беда.

До нашествия французов много было еще таких домов, со старинными домовыми, а после того, сколько мне, по крайней мере, известно, только два, по соседству, рядышком.

Старинные дома были как-то не то, что теперешние. Старинные дома были гораздо хуже, и сравнения нет, да в старинных домах были такие теплые углы, такие ловкие, удобные, насиженные места, что сядешь - и не хо-

чется встать. Про печки и говорить нечего: печки были как избушки на курьих ножках, с припечками, с печурками, с лежанками; и на печке, и за печкой, и под печкой - везде жистье, а теплынь-теплынь какая! И домовому был уют.

То были времена, а теперь другие. Бывало, все в полночь спит мертвым сном. Не спалось, бывало, только тому, чей день был грешен. Зато он и наберется страху от грозы домового, заклянется от греха: век, говорит, не буду! И теперь тоже говорят: век не буду, да по пословице - "день мой, век мой" - с наступлением зари нового века принимаются за старые грехи, а пугнуть некому:

старинных домовых нет, и внутренний голос осип.

Один из старинных, упомянутых нами домиков, в которых водились еще дедушки-домовые, принадлежал одной старушке.

Это было чудо, не просто старушка, а молодая старушка; зато дедушка-домовой и лелеял ее сон, ходил на цыпочках и, как домовый "Чуровой долины", вместо обычной возни наигрывал на гусях и распевал любовные пес-

ни. Дедушка в самом деле был влюблен в нее, как домовый "Чуровой долины" в княжну Зору.

И был прав: при неизменчивости душевной красоты и наружная не вянет, по крайней мере в памяти. У старушки неизменны были и ангельская улыбка, и приятный взор. Морщинки как будто еще украшали ее личико; недостаток зубков как будто придавал нежность речам: ведь выпадают, же у детей молочные зубы, и это нисколько их не портит; а добрая старость тоже младенчество.

У старушки был внучек Порфирий. Она так любила его, нежила и берегла, что даже в комнате для предостережения от простуды он ходил в чепчике и грудка его сверх курточки обвязана была большим платком. Так как по старому обычаю молодой человек лет до 20 считался ребенком, то и старушка смотрела на внука своего, как на дитя, хотя ему было уже около 18 лет. Он в самом деле был премильный ребенок, и, когда летом сидел в мезонине у открытого окна, в чепчике и бабушкином платке, чтоб не пахнул ветерок на грудку, проходящие и проезжающие современные

юноши заглядывались на него, воображая, что это сидит в тереме красная девушка. Не хуже красной девушки он потуплял глаза свои от нескромных взоров.

Старинный дом по соседству был как родной брат дому старушки и также с мезонином, которого боковое окно обращалось к соседу; но стекла от времени сделались перламутровыми.

Соседский дом принадлежал старичку, больному, дряхлому, мнительному и капризному и от лет и от бед, которые он перенес в жизни. У него оставалось одно утешение — внучка Сашенька, ребенок-душка, каких мало. При Сашеньке была старая няня, а при самом старичке старый Борис, дряхлее своего господина, который по ночам, во время бессонницы, заговаривался уже с домовым.

В продолжение дня старик сидел в глубоких креслах, обложенный подушками, тяжело дышал от удушья и, посматривая на внучку, которая играла подле него куколками из тряпочек, все бормотал что-то про себя. Иногда и разговорится: няня свернет Сашеньке новую куклу, внучка подбежит к дедушке и

похвастается своей куколкой: "Дедушка, куколка!"

- А! куколка? - скажет старик. - Хорошо... вот постой... я куплю тебе настоящую куклу...

- Да только все обещает дедушка, - отвечает вместо Сашеньки няня.

- А вот... будет хорошая погода... так мы и поедем в город... - скажет старик, посматривая в окно сквозь тусклые стекла летних и зимних рам. Видишь, какая пасмурная погода...

- Бог с вами, какая пасмурная, - скажет няня, - если уж эта пасмурная, так светлой-то нам и не дождаться.

- Сырость в воздухе, - проговорит старик, - это я чувствую по себе... так и душит...

Во время ночей старик мается на постели и также все бормочет:

- Совсем сна нет... вить уж скоро, чай, заутрени? Заутрени скоро!..

0-хо-хо!

- Ого, - ответит- домовой, повернувшись за печкой с боку на бок.

- Смотри пожалуй... где это стучат? Чу, стучит... а?

- Ага! - отзовется домовой.

Старик начнет прислушиваться, потом кликнет сонного Бориса и спросит:

- Где это стучит?

- Нигде не стучит.

- Что-о?

- Нигде не стучит, - крикнет Борис на ухо.

- Что ж эхо... в голове, стало быть, стучит?..

И старик снова начинает прислушиваться, где стучит: в голове или вне головы. А Борис, уходя, бормочет себе под нос:

стучит! Черт, домовой стучит, прости господи! Ляжет, а домовой и начнет его душить за ложь и брань.

II

Так проходили годы. Сашенька подрастала, старик дряхлел и час от часу становился мнительнее и боязливее за внучку. Соблазн ему представился во всем ужасе. Припоминая свою храбрую молодость, он знал, что девушка в 15 лет как кудель: стоит только бросить огненный взор - и загорелась. Не доверяя и глазу старой няни, он без себя не стал отпускать Сашеньку даже в церковь. Напрасно няня представляла ему, что это великий грех, -

Когда ж вы соберетесь-то сами? - говорила она ему.

- А вот... погода будет получше... поедет в соборы... в соборы поедем... покуда дома помолится... все равно;..

- Нет, не все равно! грех!

- Ну, ну, ну, ты дура... По-вашему, не грех женихов выглядывать!..

- Что ж такое? А по-вашему как? По-нашему, дай бы бог, чтобы нашелся женишок Александре Васильевне, - отвечала няня с сердцем.

Старик пришел в ужас.

- Молчи!., дура!.. Я прогоню тебя! - вскричал он. - Видишь, что говорит!., научит еще ребенка под окном сидеть, напоказ!., окон на улицу у меня ни под каким видом не отворять!., слышишь?

а не то заколочу! Я тебя заколочу и окна заколочу!

- Слава тебе господи, дослужилась до доброго слова! - проговорила няня, залившись слезами.

Тревожное опасение за внушку день ото дня увеличивалось.

Только и думы у старика: как бы скрыть свое сокровище от обаяния какого-нибудь чародея.

"Где- ж усмотришь за девочкой, - думал он, - выглянет на улицу - и беда! Вон, эво, так и шныряют проклятые ястребы - нет ли в окне добычи".

Подозрительный глаз старика так и преследовал всех молодых людей, проходящих по улице. Как на зло ему, большая часть останавливалась, чтоб посмотреть на два старинных домика. В самом деле, после 12-го года они одни красовались посреди пожара и казались такими завидными для всех погоревших, что, проходя мимо, каждый останавливался и восклицал: "Смотри пожалуй, кругом все обгорело, а эти чертовы избушки стоят себе как будто бы ни в чем не бывало!.. Ей-богу, на удивление!"

Но вскоре все соседство как будто разбогатело после пожара - вместо деревянных домов выстроило себе каменные палаты, и снова все прохожие, вместо умильного взгляда на почтенную древность, восклицали: "Смотри пожалуй, две чертовы избушки

втесались между каменных палат! Ей-богу, на удивление!"

Эти остановки проходящих и любопытство взглянуть на обросшие зеленым мохом домики мнительный старик понимал посвоему.

- Ох, эти мне, - бормотал он про себя, - глазом не видят, так чутьем слышат.

Долго придумывая, как бы охранить внучку от соблазна, старик наконец ухитрился.

- Постой, погоди, молодцы, - сказал он, - я вас проведу мимо двора щей хлебать!..

И тотчас же, несмотря ни на горе покорной внучки, ни на слезы и ропот ее няни, приказал обстричь под гребешок прекрасные волосы Сашеньки. Потом велел Борису вынуть из сундука все старое платье и принести к себе.

Притащив груду рухляди, Борис, кряхтя, сложил ее перед стариком и, казалось, начал приподнимать по очереди слежавшиеся дружно тени нескольких поколений огромного некогда семейства. Память о далеком прошедшем ожила перед двумя стариками, но барин думал о своем.

- Тут должна быть курточка Кононушки! -

сказал он.

- Где ж тут курточка? - отвечал Борис, перебирая и рассматривая мужские и женские платья прошедшего столетия. - Это не курточка!

- Покажи-ко: какая ж это курточка, это камзол дедушкин...

- Эка, - проговорил Борис со вздохом, - носить бы да еще носить!., бархат-то! а?.. Это робронт!.. Кажись, покойницы матушки... Дай бог ей царство небесное.

- Покажи-ко. Какая ж это курточка?..

- Какая ж курточка, кто говорит... кафтан-то ваш... а? шитьето какое!.. Кажись, Пелагея-то Васильевна своими руками вышивала., материал-то! Не то, что теперь!..

- Не матерчатая, а суконная, я тебе говорю!..

- Суконная? Так бы вы и сказали... Какая ж суконная?..

Вот суконный-то ваш мундир весь моль съела...

- Как моль съела? Покажи-ко.

- Словно решето.

- И Кононуяшину курточку-то моль съе-

ла?..

- А бог ее знает: вот ведь тут ее,нету... Разве в другом.

сундуке.

После долгих поисков курточка была найдена. Старик обрадовался, призвал Сашеньку и велел ей надеть, а на шейку повязать платочек.

- Для чего же это, дедушка? - спросила она.

- Для чего! Ты у меня будешь амазонка... Посмотришь-ко в зеркало... хорошо? Ты у меня будешь амазонка...

- Да что ж это, для чего ж это, сударь, нарядили так барышню-то?

- А для того, что я так хочу. Ты, дура, не знаешь ничего, так и молчи. Немножко широка... сошьем новенькую, поуже, к празднику... так и ходи. Ты у меня будешь амазонка, в амазонском платье.

- Вы говорили, дедушка, что в амазонском платье верхом ездят... Помните, проехали верхом какие-то дамы?.. Вы будете меня учить верхом ездить?

- Верхом!.. чВидишь ты какая!., погоди... вот подрастешь, лет через десяток... а теперь

и так хорошо... и под окошко сядешь...

не простудишься... а то грудь и шея открытые... не годится...

Распорядившись таким образом, старик успокоился, рад выдумке. Сядет подле окна, посадит подле себя внучку и насмехается в душе над проходящею молодежью.

- Да, смотрите, смотрите!.. Каков у меня внучек? Хорош мальчик? а?.. Что ж не смотрите? Это, верно, не девочка? Такой же небось юбоншик, как вы?.. Да! как же, так и есть!.. Нет! млости просим мимо двора щей хлебать!..

III

Заколдованная дедушкой от всех глаз, Которые ищут предметов любви, долго Сашенька была еще беспечным ребенком, которого занимали сказки няни, птички, цветы и даже порхающая бабочка в садике. Но вдруг что-то стало грустно ей на сердце, чего-то ей как будто недостает, время от утра до вечера что-то тянется Слишком долго: сидеть с дедушкой скучно, рассказы няни надоели, все бы сидела одна у окошечка да смотрела на улицу - нет ли там чего-нибудь повеселее?

- Нянюшка, отчего это мне все скучно? - говорит она няне.

- Отчего же тебе скучно, барышня? - отвечает ей няня.

- Сама не знаю.

- Оттого, верно, тебе скучно, что подружки нет у тебя.

- Подружки? - проговорила Сашенька призадумавшись. - Где ж взять ее, няня?

- А где ж взять? Откуда накличешь?

"Накликать", - подумала Сашенька, когда няня вышла, и она стала накликать заунывным голосом под напев сказки про Аленушку:

Подруженька, голубушка,

Душа моя, поди ко мне;

Тоска-печаль томят меня.

Вдруг показалось ей, что голос ее как будто отзывается гдето. Она прислушалась: точно, кто-то поет в соседском доме.

Сашенька приотворила боковое окно, взглянула, вспыхнула, сердце так и заколотило.

- Ах, какая хорошенькая! - проговорила сама себе Сашенька. - Вот бы мне подружка!

И долго-долго смотрела она стыдливо

сквозь приотворенное окно на Порфирия, который также разгорелся, устремив на нее взоры, и думал: "Ах, какой славный мальчик! вот бы нам вместе играть!"

"Я поклонюсь ей", - подумала Сашенька, но вошла няня, и, как будто боясь открыть ей свою находку подружки, захлопнула окно.

На дворе стало смеркаться, а няня сидит себе да вяжет чулок.

Так и вечер прошел. Легли спать; а Савденьке не спится, ждет не дождется утра.

Настало утро. Надо умыться, богу помолиться, идти к дедушке поздороваться, пить с ним чай, слушать его рассказы, а на душе тоска смертная.

- Не хочется, дедушка, чаю.

- Куда же ты? Сиди.

Ах, горе какое! - Сашенька с места, а дедушка опять:

- Куда ж ты?

- Сейчас приду, дедушка.

Сашенька наверх, в свою комнату, а там няня вяжет чулок.

Так и прошло время до обеда; а тут обед. А дедушка кушает медленно, а после обеда, по-

куда заснет - сиди, не ходи.

Господи! Что это за мука!

Но вот дедушка уснул. Няня вышла посидеть со старым Борисом за ворота. Сашенька одна; приотворила тихонько окно, тихонько запела: "Подруженька, голубушка", но никто не отзовется, в соседском доме окно закрыто.

Ах, какое горе!

Прошел еще день. Сидит грустная Сашенька подле няни, призадумавшись. Вдруг слышался напев ее песни, сердце так и екнуло.

- Ну, уж хорошо как-то там курныкает, нечего сказать! - проговорила няня.

- Нянюшка, пить хочется.

- Ну что ж, испей, сударыня.

- Мне не хочется квасу, мне хочется воды.

- Э-эх, ведь вниз идти надо!

- Пожалуйста!

- Ну, ну, ладно.

Няня вышла - а Сашенька к окну. Приотворила - глядь, ей поклонились.

- Здравствуйте! - сказал Порфирий.

- Здравствуйте! - произнесла и Сашенька.

Они посмотрели друг на друга умильно и

не знали, что еще сказать друг другу.

- Приходите к нам, - сказал наконец Порфирий.

- Нет, вы приходите к нам; меня не пускают из дому, - отвечала тихо Сашенька.

- Экие какие!

Этим разговор и кончился; послышались шаги няни, Сашенька захлопнула окно.

На следующий день Порфирий целое утро курныкал песенку под окном. Сашенька все слышала, с болью сжималось у ней сердце от нетерпения, покуда дрожащая рука ее не отворила снова окна с боязнью.

- Здравствуйте!

- Здравствуйте!

- Послушайте... выходите в садик!

- В садик? Ну, хорошо.

- Поскорей.

- Ну, хорошо.

Порфирий притворил окно. Сашенька также и побежала в садик.

- Здравствуйте, сударыня-барышня, - сказал ей Борис, беседовавший с няней на крыльце.

- Здравствуй, Борис, - отвечала ему Са-

Шенька.

- Куда вы, барышня? - спросила ее няня.

- В садик.

- Посмотрите-ка, сударыня-барышня, какую я вам дерновую скамеечку сделал под липой-то, извольте-ка посмотреть.

И Борис потащился следом за Сашенькой.

Ах, какая досада!

- Вот, видите ли, барышня... Извольте-ка присесть.

- Спасибо тебе.

- Кому ж и угождать мне, как не вам, барышня: вы у нас такое нещечко... Дай вам господи доброго здоровья да женишка хорошенького.

- Ах, полно, Борис, - проговорила Сашенька, покраснев, - ступай себе.

- Ничего, сударыня-барышня, что тут стыдно...

В соседском садике послышалось курныканье Порфирия.

"Ах, какой этот несносный Борис", - подумала Сашенька.

- Ничего, сударыня-барышня... да и красавицы-то такой не сыщем... и бабушка-то не

нарадуется на вас... Скупенек немножко, бог с ним. Вас бы не так надо было водить... в золоте бы водить, барышня, да не все дома держать... чтоб женишки...

- Ступай, Борис, оставь меня.

- Экие вы какие! Я ведь к слову сказал... Вот, сударыня-барышня, попросите-ка у дедушки на сапоги мне... Извольте посмотреть, совсем развалились.

- Хорошо, хорошо, я попрошу.

- Извольте посмотреть: пальцы вылезли.

- Хорошо, хорошо, ступай.

- Да, вот оно: у солдата купил, три рубля заплатил... солдатские-то, говорят, крепче...

Сашенька от нетерпения и досады вскочила с дерновой скамьи и пошла прочь от Бориса.

- Что ж вы, барышня, не изволите сидеть? Дерн-то какой славный.

И Борис начал поглаживать скамью и обирать с дерна желтую и завядшую травку.

Между тем Сашенька прошла подле забора.

- Здравствуйте, - раздалось в скважинку за кустами малины.

- Здравствуйте, - тихо проговорила и Сашенька, остановясь и оглядываясь, не смотрит ли на нее Борис.

- Как я вас люблю, - сказал Порфирий.

- Ах, как и я вас люблю... Если бы мы были всегда вместе!

- Барышня, а барышня, где вы, сударыня? Чай кушать зовут, - крикнул Борис.

- О боже мой, какая скука, - проговорила Сашенька.

- Приходите после, - шепнул Порфирий.

- После? Хорошо.

И Сашенька побежала домой.

После чаю она двинулась было с места, но дедушка усадил ее подле себя перебирать старые письма.

- О господи, когда ж после? - проговорила Сашенька про себя, почти сквозь слезы.

Старик ужинал рано; хотелось ему спать или не хотелось, но он ложился в постель в определенное время. А тут, как нарочно, сидит себе да раздобарывает [растабарывает, болтает. - Примеч. автора.] с внучкой и с ее няней, потешается, что у них глаза липнут. Рассказывает себе про житье-бытье своего де-

душки, какой у него был полный дом, какой сад, какое имение, какое богатство, великолепие и этикет. Призванный Борис, как живая выноска примечаний к рассказу, стоял у дверей, заложив руки назад, и по вызову барина подтверждал его рассказ.

- Помнишь, Борис? а?

- Как же, сударь, не помнить...

- А гулянье-то было по озеру, с роговой музыкой, в именины покойной бабушки Лизаветы Кирилловны... Вот, надо рассказать...

- Никак нет-с, батюшка: это было не в именины, а как раз в день рождения ее превосходительства... Как раз, сударь, в день рожденья.

- Как в день рожденья?.. Пстой-ка, врешь!

- Да как же, батюшка, именины-то ее превосходительства, покойной Лизаветы Кирилловны, дай бог ей царство небесное, когда были? В октябре, сударь?

- Да, да, да!.. Экая память!..

- Дедушка, мне спать хочется, - проговорила Сашенька, зевая и привстав с места.

- Спать? А отчего ж мне не хочется? а?

- Не знаю, дедушка.

- То-то, не знаю, а я знаю. Это потому, что дедушка любит внучку и ему приятно провести с ней время.

- Да что ж, сударь, пора ночь делить, - проговорила и старая няня, зевая.

- Ты дура, ты все потакаешь ребенку! Пошли! спите!

Дедушка рассердился. Сашенька и няня, потупив глаза, молчали и ни с места.

И дедушка молчит, сурово нахмурился. И это гневное молчание тянулось обыкновенно до тех пор, покуда не вытянет душу.

Сашенька прослезилась, но утерла слезку: дедушка не любит слез.

- Ну, ступайте спать, - сказал наконец дедушка смягченным голосом, довольный, что дал урок в терпении.

Сашенька простилась с ним, побежала наверх, бросилась в постелю и залилась слезами. В первый раз почувствовала она тяготу на сердце, в первый раз воля дедушки показалась ей невыносимой. Ей так и хотелось броситься в окно, чтоб хоть умереть на свободе.

Няня, уговаривая Сашеньку, что грех так огорчаться, раздела ее и легла спать. Но у бед-

ной девушки не сон в голове: душа взволнована, сердце бьется, в комнате душно; так бы идохнула свежим воздухом.

- Когда же после? - повторяла Сашенька. - Когда мне было после прийти?.. Ах, как голова болит!.. Пойду в сад...

И она обулась, надела капотик, прислушалась, спит ли няня, осторожно отворила дверь и вышла. Сени запирались задвижкой.

Из сеней два шага до садика. Ночь светлая, прекрасная. Только что она подошла к липе, под которой старый Борис устроил ей дерновую скамью, вдруг что-то зашевелилось.

Сашенька затрепетала от страха.

- Это вы? - тихо проговорил Порфирий, бросаясь к ней из-за куста и схватив ее за руку.

Сашенька долго не могла перевести духу.

- Чего ж вы испугались?

- Так, что-то страшно, - проговорила Сашенька.

- Страшно? Отчего?

- Так.

- А я ждал-ждал, ждал-ждал.

Держа друг друга за руку, они присели на дерновую скамью и долго молча всматрива-

лись друг в друга с каким-то радостным чувством.

- Ах, как хорошо мне с вами! - сказал Порфирий.

- Ах, и мне как хорошо! - произнесла Сашенька, приклонясь на плечо Порфирия.

Высвободив руку из бабушкина салопы, который был на нем, он обнял Сашеньку, приложил свою щеку к ее горячему лицу и поцеловал ее.

- Ах, если б всякий день нам быть вместе!

- Дедушка меня никуда не пускает, - сказала Сашенька, вздохнув.

- Экой какой! И меня бабушка никуда без себя не пускает.

- Экая какая!

- Да, ей-богу, это скучно!.. Вот с вами как бы мне весело было.

- И мне, - произнесла тихо Сашенька.

И они обнялись.

- Как вас зовут?

- Сашенькой. А вас?

- Меня зовут Порфирием.

- Как же это так? Такой святой нет у дедушки в календаре, - сказала Сашенька, которая и

по дедушкину календарю, и по напомниманью няни знала наизусть всех святых и все праздники.

- Как нет? - отвечал Порфирий. - Нет есть; у бабушки в святцах есть. Мои именины 26 февраля, в день святого отца Порфирия архиепископа. И дедушка у меня был Порфирий.

- Мужское имя!

- А какое же? Что я, девушка, что ли? Я не девушка.

- Ах, боже мой! - вскрикнула с невольным чувством испуга Сашенька, отклоняясь вдруг от плеча Порфирия.

- Что такое? Чего вы испугались? - спросил Порфирий, осматриваясь кругом. - Какие вы боязливые... Не бойтесь!.

- Пустите, - проговорила Сашенька.

- Куда, Сашенька? Нет, не уходи, пожалуйста!

- Пустите, пустите! - проговорила Сашенька, и, вырвавшись из рук Порфирия, она быстро побежала вон из сада.

- Сашенька! дружок! послушай! - крикнул вслед ей Порфирий. Но Сашенька уже дома, испуганная, взволнованная.

IV

На другой день няня, удивляясь, что барышня заспалась, вошла в ее комнату. Сашенька, вместо спокойного сна, лежала в какой-то болезненной забывчивости, лицо ее горит, дыхание тяжело.

Няня перепугалась; не горячка ли, подумала она. Но Сашенька очнулась, и пылкий жар лица заменила вдруг бледность, живой взор стал томен, и все она как будто чего-то ищет и не находит.

Когда в мезонине соседнего дома раздается напев ее песни, Сашеньку бросит в огонь; как испуганная, она вскочит с места и не знает, куда ей идти.

Так прошло несколько времени. А между тем старушка, бабушка Порфирия, отдала богу душу. Она водила его с собою только в храм божий да к своим старым знакомым обвязанного, окутанного. Теперь он свободен, хозяин дома, а располагать собою не умеет, его понятия обо всем - еще детские понятия.

Привычка к безусловной покорности бабушке передала его в распоряжение дядьке Семену и бабушкиной ключнице Дарье. Ста-

рая Дарья видела в нем еще ребенка и хотела водить его как ребенка, по обычаю бабушки; но Семен твердил ему по-свойски:

- Что вы, сударь, бабитесь, стыдно! И то бабушка-то вас продержала в пеленках, покуда все невесты ваши замуж повышли!

Слова Семена быстро подействовали на молодого человека, и он приосанился, как будто вдруг подрос. С потерей детских чувств исчезло в нем и страстное желание познакомиться с хорошеньким соседом. Он перестал напевать заунывную песенку Сашеньки.

По завещанию бабушки ему следовало навестить одного из дальних родственников, который обещался определить его на службу.

Вот Порфирий и собрался к нему. Семен, сходяв за извозчиком, начал одевать своего молоденького барина и, по обычаю, разговаривать сам с собою:

- Эка, ей-богу, кажется, живые люди, а похлопотать о похоронах некому.

- О каких похоронах? - спросил Порфирий.

- Да вот в соседском доме старик-то умер, а кругом-то его кто?

Молоденькая барышня-внучка, да дура

старая баба, да старый хрен слуга; туда же в гроб глядит.

- Где это, где? В каком соседском доме?

- Да вот рядом, через забор. Что за внучка-то, что за девочка, ах ты господи!

- Тут рядом? с мезонином-то? Какая же внучка? У этого старика молоденький внук.

- Вот! Я своими глазами видел барышню. Что это за раскрасавица такая!.. Плачет!..

- Семен, пойдем посмотрим, - прервал Порфирий, - сделай милость, пойдем!

- Да пойдете, пойдете, отчего ж не сходить. Оно, по соседству, следовало бы и помочь в чем-нибудь. Барышня-то молодая, а крутом-то ее что?

Порфирий схватил шляпу и побежал. Семен за ним, на соседний двор.

Сквозь толпу гробовщиков, стоявших в передней, трудно уже было пробраться. Ни в одном роде торговли нет такого соперничества и перебою. Старый Борис, отирая слезу, бранился с ними.

- Что, брат, что просят? - спросил его Семен.

- Пятьсот рублей за гроб! Мошенники!

- Не за гроб, сударь, а за покрывало, дроги и

мало ли что.

- Ты молчи, воронье чутье! Барин только что заболел, а уж эта рыжая борода приходил сюда рекомендоваться! И имя узнал! Прошу, говорит, Борис Гаврилыч, не оставь своими милостями:

барин умрет, так уж мы, говорит, поставим знатный гроб, и покрывало, и все что следует... Ах ты, чертова пасть! Пошел вон!

Между тем как Семен помог старому Борису уладить торг насчет длинного ящика, Порфирий вошел в комнату, где лежал покойник. Он не обратил внимания ни на покойника, ни на толпу любопытных, вымерявших глазами длину умершего; все внимание его вдруг поглотилось наружностью девушки в черном платье, которая стояла подле стола, приклонясь на плечо старой женщины.

Слезы катились из ее глаз.

Сердце Порфирия забилося как будто от испуга. Он не верил глазам своим: лицо так знакомо, это Сашенька... Нет, это, верно, его сестра... Она нежнее, белее его, у ней чернее глазки, думал он.

И взор его оцепенел на ней.

- Барышне-то дурно, водицы надо... постой, я принесу, - сказал какой-то неизвестный человек с растрепанными волосами, в стареньком сюртучишке, пробираясь в другую комнату.

- Куда! - крикнула няня. - О господи, и присмотреть-то некому!.. Пойдите, барышня...

И она бросилась за заботливым незнакомцем.

Сашенька пошатнулась от порыва няни. Порфирий успел ее поддержать. Она взглянула на него, и все чувства ее как будто замерли, голова приклонилась к плечу молодого человека.

- Не троньте! Извольте идти отсюда! А не то здкричу! - раздался голос няни из другой комнаты.

- Что ж... я ничего... я прислужиться хотел... водицы подать.. говорил, пошатываясь, неизвестный, выходя из дверей.

- Вишь, нашел водицу на гвозде! Пошли-те вон отсюда!

- Что ж... пойду... Я вашему же покойнику, поклониться хотел... последний долг отдать...

- Да, да, знаем мы вас! - продолжала няня. -

Спасибо, батюшка, что поддержал барышню мою, - сказала она Порфирию.

- Позвольте мне принять участие в вашем горе и помочь вам распорядиться, - сказал Порфирий Сашеньке, когда она очнулась и стыдливо отклонилась от него к няне.

- А вы кто такой, батюшка? - спросила няня.

- Я сосед ваш. Если угодно, я и мой человек к вашим услугам...

Вы можете положиться.

- Да вот бы надо было послать кого-нибудь на кладбище, заказать могилу.

- Я сам съезжу, - вызвался Порфирий и, поручив Семена в распоряжение Сашеньки, отправился на кладбище. Приехав на ниву божью, он долго ходил между могил, не встречая никого, покуда не увидел выходящего из ворот дома старика священника.

- Где мне, батюшка, отыскать тут могильщиков? - спросил его Порфирий.

- Что вам, могилку, что ли? - сказал священник.

- Да, батюшка, не знаю, к кому обратиться.

- Могилку? хорошо, хорошо, доброе дело,

мы очень рады, пойдёмте... Чай, выберете место, а то у нас и готовые есть.

- Это все. равно, я думаю.

- Все равно: здесь славные места, славные места! Сухие, грунт песчаный... Эй! Феррапонт!.. Где ты?

- Здесь, - отозвался могильщик из глубины могилы, которую он рыл.

- Что, это заказная или так, на случай? - спросил священник.

- Заказная.

- Так вот и господину-то выroyте могилку.

- Ладно. Младенцу, верно?

- Нет, старику, - отвечал Порфирий.

- Так бы уж и говорили. Ладно.

Заказав могилку, Порфирий отправился назад. Истомленная бессонными ночами во время болезни дедушки, Сашенька заснула.

Но за нее было уже кому хлопотать. Порфирий обо всем озаботился и, провожая покойника, шел рядом с его внучкой, Когда опустили гроб в-могилу, Сашенька, почти без чувств, упала к нему на руки.

- Это, верно, жених ее, - говорили в толпе народа, собравшегося около могилы, - вот па-

рочка.

И Порфирдй и Сашенька это слышали.

Порфирий проводил ее до дому и хотел проститься.

- Куда ж вы? - сказала она ему.

Порфирий вошел в дом.

Сели и молчат, бояться даже смотреть друг на друга...

Посидев немного, Порфирий встал.

- Куда же вы? - повторила Сашенька.

- Вы утомились, вам надо отдохнуть.

- Когда же вы к нам будете?

- Если только позволите... - проговорил несвязно смущенный Порфирий.

На следующий же день он явился к соседке узнать об ее здоровье.

На этот раз она была разговорчивее, Порфирий смелее.

Слово "здравствуйте" напомнило и ему и ей первое сладостное ощущение сердца. Они произнесли его, и оба вспыхнули.

Няне ужасно как понравился скромный молодой человек.

"Вот бы парочек барышне", - думала и она.

- Уж если б вы видели, Порфирий Алексан-

дрович, как покойник наряжал барышню - смех, да и только! Совсем не подевичьему! мальчик, да и только.

"Да, не видал!" - подумали в одно время и Порфирий и Сашенька, взглянув друг на друга и невольно улыбнувшись.

- Это амазонское платье я носила, нянюшка, - сказала Сашенька, - ко-мне оно лучше шло. В чепчике хуже.

Порфирий вспыхнул. Она заметила это, поняла, что некстати

упомянула о чепчике, и, также покраснев, опустила глаза и замолчала.

- Я вас и принял за мужчину, - сказал Порфирий, оставшись -наедине с Сашенькой.

- А я думала, что вы девушка.

Порфирий рассказал ей, как бабушка берегла его от простуды и рядила в чепчик, платок.

- Я хоть бы опять надеть чепчик, - прибавил он.

- Ах боже мой, для чего это?

- Так... вам нравилось.

- Ах, нисколько, так гораздо лучше, - опрометчиво вскрикнула Сашенька.

- Тогда вы мне сказали... - начал было Порфирий с простодушной откровенностью сердца, но вспомнил испуг Сашеньки

и замолчал.

Сашенька, казалось, также все припомнила, покраснела и потупила глаза.

Но, верно, в самой природе женщины есть хитрость.

- Что ж я вам сказала? - спросила она, не поднимая взоров.

- Вы сказали... "Если б мы были всегда вместе", - произнес тихо Порфирий.

Сашенька снова вспыхнула и, стыдясь своего смущения, закрыла лицо руками.

V

Первая любовь пуглива, как вольная птичка; много, много проходит времени, покуда она делается "ручною". Природа ведет себя необыкновенно как умно, стройно и отчетливо. Порфирий был свободен, Сашенька также; за ними ничей глаз не присматривал, ничье ухо их не подслушивало, чувства так и влекли их друг к другу; а между тем самый строгий, ревнивый к благочестию присмотр не упрекнул бы их ни в чем. Казалось бы, им

опасно сидеть вместе на дерновой скамье, под липой; сладкое воспоминание первого поцелуя должно бы было взволновать их чувства, давало право на полную откровенность; напротив: тут-то чувства их и становились боязливей. И это продолжалось до тех пор, пока любовь выросла, созрела на сердце и вдруг в одно утро расцвела, как махровая роза. И в глазах, и в выражении голоса явилась какая-то особенная нежность. Все в них стало ясно друг для друга, они взглянули один на другого и обнялись.

- Помните, я сказал: как я вас люблю! - прошептал Порфирий.

- Помню!

- А вы сказали: ах, как и я вас люблю; если бы мы были всегда вместе! Помните?

- Помню, помню!

Казалось бы, это блаженное мгновение надо было продлить, скрыть от всех свое счастье, но Сашенька вскрикнула опять:

пустите! И, вырвавшись из объятий Порфирия, побежала вон из комнаты.

- Куда вы? Чего вы испугались? - и Порфирий вообразил, что Сашенька опять так же

испугалась чего-то, как в первый раз в садике.

Но Сашенька побежала поделиться своим счастьем с няней.

Порфирий задумался, сердце его сжалось, вдруг слышит голос Сашеньки: "Пойдем, пойдем скорее".

И, притащив няню за руку, она вскричала:

- Смотри, нянюшка!

И бросилась на шею к Порфирию.

- Ах вы, баловники, греховодники! - вскричала няня, всплеснув руками и качая головою.

Вырвавшись снова из объятий Порфирия, Сашенька бросилась на шею к няне и задушила ее поцелуями.

- Ну, ну, ну, пошла от меня, бесстыдница! Пошла к своему любезному на шею! Вот погоди, поп-то вас обвенчает, а посаженныйто отец плетку даст на тебя.

Начались сборы к свадьбе.

Природа очень умно взлелеяла любовь в юноше и в девушке, решила взаимное желание их быть и жить вместе; но не дело природы было решать, где им жить.

Кажется, все равно, где бы им жить, лишь

бы жить вместе.

Но, верно, не все равно: покуда длились сборы к свадьбе, между женихом и невестой зашел спор: в котором доме им жить? Сашеньке хотелось непременно жить в доме Порфирия, потому что это был дом Порфирия; а Порфирию - в доме Сашеньки, потому что это был дом Сашеньки.

- Я продам свой дом, - сказал Порфирий, - мы будем жить в твоём доме.

- Ах нет, ни за что! - вскричала Сашенька. - Мы будем жить в твоём доме; лучше мой продать.

- Ах нет, ни за что! - сказал в свою очередь Порфирий.

Мне твой лучше нравится.

- А мне твой.

И вышел спор из самого чистого доказательства взаимной нежности. Ни Сашенька, ни Порфирий не хотят уступить один другому в том чувстве.

- Тебе хочется все по-своему делать, - проговорила Сашенька, надувшись, - если ты свой дом продашь, то я продам свой!..

- Посмотрим! - подумал Порфирий, вспых-

нуб. Его затронул упрек.

Взволнованное сердце Сашеньки скоро улеглось. Она подошла к Порфирию, но он отвернулся от нее.

Новая искра огорчения. Сашенька отошла от Порфирия, села в угол, закрыла лицо руками и задумалась сквозь слезы: он не любит меня!..

- Сашенька, - сказал Порфирий, взглянув на нее. И он бросился к ней.

- Подите прочь от меня! - проговорила Сашенька.

Обиженное чувство снова возмутилось. Порфирий не перенес его, взял шляпу; мысли его были в каком-то тумане. Он пришел домой.

Там, как на беду, его ждал уже покупатель дома. Решившись продать дом, Порфирий поручил это Семену, который и сам то же советовал ему.

- Вот, сударь, извольте получить деньги, - сказал Сем-ен, входя с каким-то мещанином, - я решил дело.

Мещанин отсчитал деньги, положил их на стол перед Порфирием и поднес ему подпи-

сать бумагу.

- Да что ж вы, сударь, подписываете, не считая, - сказал Семен.

- Как раз тысяча двести серебром, так-с?

- Так, - отвечал Порфирий, перевертывая ассигнации без внимания.

На другой день поутру тот же покупщик явился в соседний дом к Сашеньке.

- Я, сударыня, - сказал он ей, - купил у вашего соседа дом, да место маленько. Не продадите ли и вы свой? А я бы хорошие дал бы деньги.

- Он продал дом свой! - вскричала Сашенька.

- Что ж, он хорошо сделал, барышня, - сказала няня. - Он и мне говорил, и я советовала ему продать. А нам-то уж продавать не к чему: насиженное гнездо, и вы привыкли, и я. Дал бы бог и умереть в нем...

- Он продал, - повторила Сашенька.

- Продал мне, сударыня. Дрянной домишко; признательно сказать, пообмишулился я, дал четыре тысячи двести, а теперь не знаю, что и делать. Продайте, сударыня! За ваш дом пять тысяч.

- Да, видишь, какой! пять тысяч! Барышня, а барышня, пожалуйста-ка сюда, - сказала няня торопливо, вызывая Сашеньку в другую комнату, - продавайте, барышня!

- Да, я продам, непременно продам! - проговорила Сашенька с обиженным чувством.

- Продавайте! Дедушка-то заплатил всего две тысячи за него, за новый!.. Пять тысяч дает! Да уж вы не мешайтесь, оставайтесь здесь: шесть возьму!..

- Продавай! Я не хочу в нем жить, - проговорила со слезами на глазах Сашенька.

- Пять тысяч капитал, а мы квартиру найдем рубликов за двести, так без хлопот будет.

И няня вышла к покупщику.

- Пять тысяч не деньги, любезный, - сказала она ему, - барышня и не подумает отдать за эту цену... Шесть, если хочешь.

- Как можно! Да уже так, дом-то мне понадобился: двести набавлю.

- И не говори!

- Пять тысяч пятьсот угодно? А нет, так просим прощенья, - сказал мещанин, обращаясь к двери.

- Ну, погоди, спрошу барышню.

Дело уже было решено, дом продан, задаток взят, пришел Порфирий.

- Здравствуйте, - проговорил он тихо, как виноватый, подходя к Сашеньке.

- Здравствуйте, - отвечала она ему, не поднимая глаз.

- Ты на меня сердишься, Сашенька, - сказал Порфирий после долгого молчания.

- Сержусь, - отвечала Сашенька.

- За что ж?

- Я вас просила, вы не послушались, вы продали свой дом.

- Он очень стар: на него на починку надо было издержать, Семен говорит, тысячу рублей... - начал Порфирий в оправдание себя. - Я и нянюшке говорил, и она советовала мне продать, а жить в вашем...

- А я по совету нянюшки продала свой, - сказала Сашенька.

- Продали!

- Продала.

- Ну, если так... - проговорил Порфирий.

- Куда вы?

- Мне надо идти нанимать квартиру, - отвечал он и бросился вон.

- Порфирий! - хотела вскрикнуть Сашенька, но голос ее замер.

VI

Покупщик двух домов распорядился умнее Порфирия и Сашеньки: соединил оба дома пристройкой, подвел под одну крышу, и вот, не прошло месяца, из двух старых домиков вышел один новый, превеселенький дом: обшит тесом, выкрашен серенькой краской, ставни зеленые, на воротах: "дом мещанки такой-то", "свободен от постоя" и в дополнение: "продается и внаймы отдается".

Один бедный чиновник, но у которого была богатая молодая жена, тотчас же купил его на имя жены и переехал в него жить.

Но в доме нет житья.

Покуда домики были врозь, все было в них, по обычаю, мирно и тихо и на чердаке, и на потолке, и за печками, и в подполье; ни стены не трещали, ни мебель не лопалась, ни мыши не возились.

Но едва домики соединились в один, только что чиновник с чиновницей переехали и, налюбовавшись на свое новоселье, легли опочивать, рассуждая друг с другом, что необык-

новенно как дешево, за двадцать-за-пять тысяч купили новый дом, с иголки, вдруг слышат в самую полночь: поднялись грохот, треск, стук, страшная возня в земле, по потолку точно громовые тучи ходят, то в одну сторону дома, то в другую.

Молодые с испугу перебудили людей.

- Э-эх, почивали бы лучше в полночь-то, так и не слышали бы ничего, сказала кухарка, которая всегда крепко спала в законный час, а во время дня только дремала.

Но старик дворник, выслушав рассказ господ, качнул головой и решил, что дело худо: верно, домовому не понравились жильцы!

- Ах ты старая баба! - сказала кухарка.

- Я ни. за что не останусь здесь жить! - вскричала перепуганная молодая хозяйка. - Ни за что!

И на другой же день муж ее выставил на воротах: "отдается внаем" - и тотчас же по требованию жены должен был нанять квартиру и переехать.

Вскоре один барин, проезжая мимо, остановился, прочел: "продается и внаймы отдается, о цене спросить у дворника", осмотрел

дом и решил нанять.

- Так ты сходи же к хозяину, узнай о последней цене, - сказал он, давая дворнику на водку. - Вечеру я заеду.

- Слушаю, слушаю, - отвечал дворник.

Вечеру он опять приехал.

Это был Павел Воинович.

- Ну что?

- Да что, - отвечал дворник, который успел уже клюкнуть на данные ему деньги и не мог ничего тайть на душе. - Я вот что вам доложу, дом славный, нечего сказать... славный дом...

- Да что?

- А вот что: кто трусливого десятка, тому не приходится здесь жить.

- Отчего?

- Отчего? а вот отчего: я по совести скажу... тут водятся домовые.

- Э?

- Право, ей-богу! по ночам покою нет.

- А днем? - спросил Павел Воинович.

- Днем что: днем ничего, только по ночам.

- Так это и прекрасно, - сказал барин, - я не сплю по ночам, я сплю днем, так ни я домовых, ни домовые не будут меня беспокоить.

- Э? разве? Да оно и правда, что у господ-то все так... Ну, если так, так что ж, с богом... другой похулки на дом нельзя дать...

хоть у самого хозяина спросите, он сам то же скажет.

Таким образом, несмотря на предостережение дворника, барин нанял дом, переехал. На первый же день новоселья пригласил он пять-шесть человек добрых приятелей к обе-ду и в ожидании гостей, похаживая себе с трубкой в руках и в халате и в туфлях, по-сматривал, так ли накрывают люди на стол, полон ли погребок, во льду ли шампанское, греется ли лафит, все ли в порядке. Гости-приятели съехались. Обед на славу, вино как сле-за.

Присутствовавший тут же поэт, подняв бо-кал, возгласил:

Я люблю вечерний пир,
Где веселье председатель,
А свобода, мой кумир,
За столом законодатель,
Где до утра слово пей!
Заглушает кряки песен,
Где просторен круг гостей,

А кружок бутылок тесен.

- Ну, извини, любезный друг, до утра у меня пить нельзя, - сказал хозяин, - невозможно!

- Это отчего? Это почему?

- А вот почему: этот дом я нанял у самого дедушки-домового с условием, чтобы ночь я проводил где угодно, только не дома. А так как скоро полночь, то я отправляюсь в Английский клуб. Вы видите, господа, что причина законная. Извините.

Пушкин захохотал, по обычаю, а за ним захохотали и все.

Но хозяин сказал серьезно, что он не шутя это говорит, и в доказательство крикнул: "Эй! одеваться скорее!"

На этот барский крик никто не отозвался: оказалось, что и в передней и в людской - ни души. Люди, уверенные, что господа занялись делом, пошли справлять новоселье.

- Ну, нечего делать, оденусь сам, - сказал Павел Воинович, - но на кого же оставить дом?

- А домовой-то, - крикнул Пушкин.
Эй, дедушко! ты не засни!

По-своему распорядися с вором,
Ходи вокруг двора дозором
И все, как следует, храни!

- Ха, ха, ха, ха!

- Ага! - раздалось с обеих сторон дома.

- Слышишь? отозвался, - сказал поэт, - теперь можно отправляться спокойно. Слышали, господа?

- Слышали, слышали!

- Если слышали, так можно отправляться, - сказал хозяин.

И все отправились.

Только что господа со двора, а люди на двор пришли, смиренно присели в передней, как будто нигде не бывали, моргают глазами, думают, господа забавляются себе.

- Чай, до утра просидят? а?

- Фу, как спать хочется!..

- Ну, здоров пить!..

- Вот это что, так ли пьют... да я...

- Тс! черт ты! ревет!

- Что, ничего.

Только что эту беседу в передней заменило всхрапыванье и свист носом, вдруг в комнатах поднялись стук, треск, возня.

- Вася! слышишь?

- А?

- Что это, брат, господа-то передрались, что ли? а?

- Что?

- Господа-то... слышишь, как возятся?..

- А бог с ними!

- Ну, и то.

И Вася и Петр задремали.

А между тем в доме как будто ломка идет.

Верь не верь, а вот произошла какая история. Мы уже сказали, что в обоих старых домиках было по домовому. Они преспокойно жили себе за печками и, видя, что все в порядке, хозяйева благочестивы, лежали себе, перевертываясь с боку на бок. Когда Порфирий и Сашенька продали домики, пристройка и соединение их под одну крышу потревожили домовых, но они еще довольны были, воображая, что идет починка накатов и крыши.

Только что постройка кончилась и чиновник, купив новенький дом с иголки, переехал на новоселье, домовый Сащенькина домика, с левой стороны, приподнялся в полночь осмотреть, попрержнему ли все в поряд-

ке.

"Хм, чем-то пахнет", - подумал он, выходя в пристроенную между домиками залу.

Домовой с правой стороны точно таким же образом отправился по дому дозором.

"Э-э-э! вот тебе раз! - подумал он, прислушиваясь. - Это что?.."

Только что он вышел в залу, вдруг что-то стукнуло его в лоб.

- Кто тут? - гукнул он.

- Кто тут? - отозвалось над его ухом.

- А?

- А?

- Кто тут?

- Хозяин.

- А-а-а! как хозяин? Я хозяин.

- Нет, я хозяин.

- Как - ты хозяин?

- Так, я хозяин.

- Нет, я хозяин! Вон!

- Вон? Сам вон!

Слово за слово, схватились, подняли такую возню, такой стук, грохот, что никак невозможно было чиновнику, и особенно жене его, не испугаться до смерти и не выбраться по-

скорей из дому.

VII

Каждую ночь домовые поднимали возню и драку на чья возьмет; но ничья не брала. То же было и в первую ночь, когда барин, нанявший дом, отправился со своими гостями в клуб.

Стало уже рассветать, когда он возвратился домой; но что-то не весел, ему нездоровилось. Ночь не спал, и день не спится.

Послал за Федором Даниловичем.

- Что?

- Нездоровится.

- Э? понимаю.

И Федор Данилович прописал что-то успокоительное.

- Это порошки?

- Порошки; принимать через час.

- Очень кстати! Я бы теперь принял лучше деньги.

- Это, конечно, лучше, - сказал Федор Данилович, отправляясь к другим пациентам.

Барин протосковал вечер; настала ночь, и он, (не) исполняя условия с домовым, лег спать и против обыкновения заснул.

На правой половине дома, где был дом старушки, бабушка Порфирия, барин устроил свой кабинет, а вместе и спальню. Тут же за печкой жил и домовый. Только что настала полночь, он встрепенулся, как петух со сна, и собрался с новым ожесточением на бой с соперником. Вдруг слышит, кто-то всхрапнул.

- Это кто?

И домовый подкрался к спящему, приложил ухо к голове. - Ух, какая горячая голова! - проговорил он, отступив от постели.

- Идет! - крикнул барин во сне, так что домовый вздрогнул и на цыпочках выбрался вон из комнаты.

- А? ты еще здесь? - гукнул домовый с левой половины, столкнувшись с ним в дверях.

- А ты еще не выбрался вон? - сказал, стукнув зубами, домовый с правой половины, вцепясь в соперника.

Пошла пыль столбом. Возили, возили друг друга - утомились.

- Слушай: ступай вон добром!

- Ступай вон, как хочешь, добром или не добром, мне все равно.

- Слушай: домов много.

- Много, выбирай себе.
- Ты выбирай, я постарше тебя.
- Это откуда... я и сам счет потерял годам.
- Не считай по годам, а мерь по бородам.
- У. меня обгорела в 12-м году.
- Слушай, пойдём на-мир.
- На-мир так на-мир. Давай мне дом с богатым убранством, со всеми угожьями, дом тёплый, сухой, да чтоб в доме ни одной человеческой души не жило, чтоб дом был про меня одного, про дедушку-домового: я знать никого не хочу! Чтоб дом был игрушечка, а не дом.

- Видишь! Смотри, какой дом придумал: про тебя одного.

А кто такой дом будет про тебя строить?

- Не мое дело.
- Молоденек надувать.
- Ну, как знаешь.
- Постой, подумаю.
- Подумай.
- Подумаю, - повторил сам себе домовый с правой стороны, - подумаю, нет ли такой хитрости на свете.

Воротился за печку и стал думать; не лежит; вылез, ходит по комнате да твердит

вслух: "Хм! игрушечка, а не дом! игрушечка, а не дом!"

- Что? - проговорил барин во сне.

- Построить дом, чтоб был игрушечка, а не дом! - отвечал дедушка-домовой, занятый своей мыслью и продолжая ходить из угла в угол.

- Игрушечка, а не дом, - затвердил и барин во сне, - игрушечка, а не дом!

Ночь прошла, домовой ничего не выдумал, а барин встал с постели, закурил трубку, велел подавать чай и начал ходить, как домовой, задумавшись -и повторяя время от времени:

- Игрушечка, а не дом!.. Что за глупая мысль пришла мне в голову, ничем не выживешь - построить в самом деле игрушечку, а не дом?.. А что ты думаешь? Построю!

Продолжая ходить по комнате, курить трубку за трубкой и рассуждать сам с собою о постройке не простого дома, а игрушки, барин выведен был из этой думы докладом человека, что пришли из магазинов за деньгами.

- Ах, канальи! я им велел вчера прихо-

дить! - крикнул барин. Мошенники! просто ждать не будут!., надо им еще что-нибудь заказывать... Кто там?

- Да там фортопьянный мастер, мебельщик, из хрустального магазина, да и еще из каких-то магазинов.

- Позови фортепьянного мастера.

Немец вошел.

- За деньгами?

Немец поклонился.

- Отчего ты вчера не пришел? а? - прикрикнул барин.

- Все равно, - отвечал немец.

- Нет, не все равно! вчера был день, а сегодня другой...

Ну, слушай, вот еще что мне нужно: можно сделать вот такой маленький рояль, в седьмую долю против настоящего?

- Хм! игрушка? я игрушка не делаю, - отвечал немец.

- Нет, не игрушка, а настоящее фортепьяно, в эту меру.

- Это что ж такое?

- А у меня есть такой маленький виртуоз, карлик, - ему играть... Можно?

- Хм! можна, отчево не можна, все можна за деньги делать.

- Так, пожалуйста, сделай... В седьмую долю...

- В седьмая доля? Хорошо. Только эта будет стоить то же, что настоящая рояль.

- 6 цене я ни слова, - сказал барин, - только сделай, а потом мы и сочтемся.

- Хм, - произнес, углубившись сам в себя, немец, которого заняла уже тщеславная мысль сделать крошечный рояль на славу. - Das ist ein kurioses Werk! [Ну и забавная же работа! (нем.)] - сказал он, выходя и забыв о деньгах.

Вслед за ним явился мебельный мастер, потом приказчик из хрустального магазина. Одному заказал барин роскошную мебель рококо, в седьмую меру против настоящей, другому в ту же меру - всю посуду, весь сервиз, графины, рюмки, форменные бутылки для всех возможных вин.

Таким образом началась стройка и мебелировка игрушечки, а не дома. Знакомый живописец взялся поставить картинную галерею произведений лучших художников. На ноже-

вой фабрике заказаны были приборы, на полотняной столовое белье, меднику - посуда для кухни, - словом, все художники и ремесленники, фабриканты и заводчики получили от барина заказы на снаряжение и обстановку богатого боярского дома в седьмую долю против обычной меры.

Барин не жалел, не щадил денег.

Вот и готов не дом, а игрушка. Стоит чуть ли не дороже настоящего; остается, по обычаю, только застраховать да заложить в Опекунский совет.

Барин и призадумался об этом.

- Странная вещь, - говорил он сам себе, - князь Василий построил же гораздо глупее игрушечку, а не дом, в котором жить нельзя; его приняли в залог, а мой, я уверен, что не примут. А между тем закладывать дом необходимо: в старину закладывали до постройки, а теперь очень умно и расчетливо закладывают после постройки. Нельзя не закладывать!

VIII

Во все время, когда игрушечка, а не дом строился и снаряжался, дедушка-домовой с правой стороны был вне себя от радости и по

ночам ходил вокруг него и потирал руки.

"Вот оно, - думал он, - как ухитрился свет-то... Барин этот должен быть колдун: только что я показался, тотчас узнал; только что задумался, как бы ухитриться, а он в угоду мне и выдумал!.."

- Ну, будет дом по твоему вкусу, - говорил дедушка-домовой с правой стороны своему сопернику.

- Посмотрим, - отвечал тот.

- Увидишь, - говорил этот.

- Ну, ладно, покажи.

- Постой, не готов.

- Э, лжешь!

- Верь, право-слово!

- Ну, смотри.

Прошло еще несколько времени до совершенного окончания и отделки домика. Дедушка нетерпеливо похаживает и сам дивится, как люди-то ухитрились.

- Истринно игрушечка, а не дом! Ну, надул же я его!

Наконец дом совершенно готов, дом на семи четвертях состоит из великолепного салона и столовой - она же и бильярдная. Салон -

пол парке [Паркетный. - Примеч. автора.], обои шелковые, мебель роскошная - люстры, лампы, канделябры, зеркала, картины, рояль, словом, все.

- Ну, пойдём! - сказал домовый с правой стороны домовому с левой и привел его в кабинет. Барина, по обычаю, не было дома.

Ночь светлая; месяц отразился в окне на лаковом парке домика, на бронзе, на мебели: светло, как днем.

- Ну, где же?

- А вот, полезай за мной.

- Да это стол.

- Полезай!.. Ну, видишь? Что?

- Пстой, борода зацепила... А-а-а-а! - проговорил с удивлением домовый с левой стороны, входя в резные золоченые двери салона.

- Что? а?

- Да! ах какая бесподобная вещь! что твоя печурка!

И домовый присел на кресла, потом на диванчик, потом прилег на подушку, шитую синелью по буфмуслину.

- Ну, спасибо. А это что? гусли?., а? славная вещь!., вот будет мне житье... роскошь! Не то

что за печкой...

"В самом деле роскошь... - подумал дедушка с правой стороны. - Жаль и уступить... право, жаль!.."

- Бесподобно! аи спасибо! - продолжал дедушка с левой стороны, растянувшись на диване. - Так уж ты владей всем домом, живи за которой хочешь печкой, а я уж здесь и расположусь...

- Э, нет, погоди еще: ты видишь, что в доме еще и печей нет.

- В самом деле, печей нет, как же это забыли печи выложить?

- Без печей нельзя... зима настанет, замерзнешь.

- Нельзя, нельзя; да скоро ли их сложат?

Уверив, соперника, что к зиме сложат непременно, хитрый домовой спровадил его, а сам залег на диванчик и начал потягиваться и расправлять кости.

- Нет, приятель, извини: не видать тебе как ушей этого домика, я сам в нем буду жить... Как же это я прежде об этом не подумал? Какое спокойствие, удобства какие!.. Все как по мне делано... и зеркала какие... и все... фу, как

люди-то ухитрились... Это что в засмоленных бутылках, постой-ка?..

И домовой отыскал между посудой и приборами штопор в меру, раскупорил бутылку шампанского.

- Мед!. мед-то какой! Фу, как люди-то ухитрились!..

Буль-буль-буль... выпил всю бутылку и заморгал глазами, прилег на диван и заснул.

А между тем и барин, построив не дом, а игрушечку, тотчас же, по современному обычаю строителей, заложил его. Поутру пришли за ним и понесли на носилках к заимодавцу.

В полночь очнулся домовой. Что за стук такой? что за гам?

что за свет колет глаза? Взглянул - и ужаснулся.

Народу тьма, музыка гудит; какие-то пестрые шуты и шутихи шаркают, ходят, кривляются, кричат, бормочут что-то не порусски - страшный содом! От яркого света потемнело в глазах у домового, запрятал голову в подушку, свернулся клубком, лежит - чуть дышит.

Так прошло несколько дней. Измучился: ни дня, ни ночи по-, кою. И днем свет, и но-

чью свет. Но наконец выдалась одна темная ночка; прислушался кругом все тихо; при-смотрелся - никого нет. Вылез из домика, побрел на цыпочках по комнатам... искать печки. Ходил-ходил - нет печки в целом доме.

"О-хо-хо! Куда это я попал!.." - подумал дедушка.

Вдруг почуял он запах печки, откуда-то несет теплом. Глядь - труба.

- Что за чудеса такие? Бывало, трубы проводят наружу, а теперь внутрь.

Влез в трубу, полз-полз, смотрит - печь, преогромная печь посреди сырого подвала.

Что было делать? Погрустил-погрустил, подумал: "Не рыть было другому ямы, сам в нее попадешь", да и прилег, с горем, в печурке привилегированной амосовской печи.

IX

Между тем, помните, Порфирий, всплыв на Сашеньку, ушел нанимать квартиру, нанял и переехал.

Дня три дулся он и не хотел показываться невесте на глаза.

Наконец не выдержал: грустно стало, отправился к ней, подошел к дому и ужаснулся.

И его дом, и дом Сашеньки стояли уже без крыш, огорожены по улице общим забором.

- Братцы, - спросил он у плотников, пробравшись по наваленному лесу на двор, - не знаете ли, куда переехала из этого дома барышня?

- Барышня? А кто ж ее знает, - отвечал один плотник, потачивая свой топор на камне.

- У кого б узнать?

- А у кого ж узнать? Кто знает? а?

- А кто ж ее знает, разве у соседей спросить, - отвечали прочие.

У Порфирия облилось сердце кровью. Долго ходил он около дома, добивался у соседей, куда переехала Сашенька: никто не знает. Пошел вдоль по улице, выспрашивает у ворот каждого дома: не переехала ли сюда такая-то барышня? Нет, не переезжала.

Обошел все переулки - ни слуху ни духу.

В отчаянии Порфирий. День прошел, другой прошел - ищет, а следа нет. Избегал всю Москву; дворники гоняют его из края в край своими догадками.

- Барышня? молоденькая? Так! У нее жен-

щина? Ну так, переезжала, да не понравилась квартира, так она вчера съехала на Разгуляй... как раз против бань.

Порфирий бежит на Разгуляй.

- Барышня? вчера? Переехала.

- Где же она тут живет?

- А вот ступайте за мной.

И угодливый дворник ведет Порфирия в мезонин, постучал в дверь.

- Кто там? - раздался голос.

Порфирий вздрогнул.

- Вас спрашивают, - крикнул дворник.

Дверь отворилась, вышла девушка, взглянула на Порфирия с улыбкой довольствия.

- Пожалуйста!

Порфирий, вообразив, что нашел Сашеньку, бросился в двери.

- Здесь Александра Васильевна? - спросил он, смутясь, у вышедшей из другой комнаты женщины.

- Александра Васильевна? Не знаю, жила, может быть, а теперь мы здесь живем... Пожалуйста, садитесь, прошу быть знакомым.

- Извините, - сказал Порфирий, - я тороплюсь...

И он выбежал из мезонина с тяжким вздохом обманутой надежды.

"Куда ж я пойду теперь?.. Где я ее найду?.." - думал Порфирий, повесив голову, в совершенном отчаянии, и шел бессознательно к бывшему своему дому.

Взглянув на новый дом, который стоял уже на месте двух стареньких, Порфирий вздрогнул, прислонился напротив его к забору и стоит как опьянелый.

- Не придет ли и Сашенька взглянуть на бывшее свое пепелище?

Но уже смеркалось, а ее нет.

- Ах, барин, барин, что с вами сделалось? - говорит ему Семен, качая головой.

- Ищи ее, Семен, - отвечает ему Порфирий и идет снова на поиск, справляется по спискам жителей в частях: в списках нет.

Походит-походит и снова придет к дому: не придет ли и Сашенька взглянуть, что стало с ее домиком!

Однажды, прислонясь к забору, Порфирий закрыл лицо и стоял как над могилой. Вдруг раздался подле него громкий голос:

- Порфирий! Порфирий!

Он оглянулся, Сашенька бросилась ему на шею.

- Ах, счастье! - вскричал Порфирий, обнимая ее. - Теперь ни шагу от меня!

- Ах, несчастье! - проговорила, рыдая, Сашенька.

- Что с тобой? что это значит?

- Я погибла! я замужем!

Порфирий помертвел.

- Я думала, что ты забыл, оставил меня, и вышла с горя замуж.

Сашенька залилась горькими слезами.

Порфирий стоял безмолвно, смотрел в землю.

- Барышня, барышня, Александра Васильевна, матушка, пойдете, беда будет! - сказала испуганная няня Сашеньки, приблизясь и узнав Порфирия.

- Порфирий! - повторяла Сашенька, приклонясь на грудь его.

- Сударыня, люди идут! - крикнула няня, схватив за руку Сашеньку.

- Порфирий! Прощай! - проговорила Сашенька.

Няня увлекла ее. Порфирий замер.

Х

Спустя несколько месяцев известный уже нам барин, нанимавший дом, составившийся из двух старых, сидел однажды, по обычаю, против окна, с трубкой и стаканом чаю.

В эту минуту он смотрел во внутренность себя, но глаза его были устремлены на улицу. Казалось, что он рассматривает архитектуру дома и забора, обонпол [Противоположную сторону. - Примеч. автора.] улицы.

Барин был бизорук, и потому все проходящие казались ему движущимися пятнами. Но вот несколько уже дней сряду обратило его внимание постоянное пятно против забору, которое двигалось на одном месте.

Это его побеспокоило: "Это уже не наружный предмет, это, должно быть, что-нибудь в глазу", - думал он.

Кстати, приехал Федор Данилович.

- Федор Данилович, посмотрите-ко, не бельмо ли у меня в глазу?

- А что?

- Да вот, в комнате ничего, а как посмотрю на свет, против чего-нибудь белого, тотчас является огромное пятно, потом пройдет, потом

опять явится.

- Глаз чист, никакого бельма нет.

- Не понимаю!.. Вот против забора опять пятно.

Федор Данилович взглянул на улицу.

- О! Понимаю!.. Так это-то у вас как бельмо в глазу! Славное бельмо.

- Что такое?

- Бесподобное! Дайте-ка лорнет... чудо!..

- Что такое?

- Прелесть!..

- Что такое? - вскричал барин, схватив лорнет из рук Федора Даниловича и также смотря на улицу. - Ах, скажите пожалуйста!., молоденькая женщина!

- Не сводит глаз с окна! Bravo!.. Поздравляю!.. Ну, сглазили, ушла!

- Право, я ничего не знаю, - сказал барин, - ушла!

- Верно, придет опять... Прощайте, желаю успеха.

- Куда?

- Мне надо ехать. А где же дом? - спросил вдруг Федор Данилович, приостановясь в зале.

- В закладе.

- Вот тебе раз!

- Будет: и вот тебе два, три, четыре и т. д. благо есть теперь что закладывать.

Федор Данилович уехал. Барин сел у окна, вооружился лупой, смотрит на белый забор, как астроном на небо в ожидании прохождения нового светила.

- Вот она! - вскричал барин, вскочив с места. - Эй! Васька, Петр! Одеваться.

Оделся и на улицу, прямо к забору, где стояла незнакомка.

"Она еще тут", - думает барин, прищурившись и подходя к забору. - Что ж это такое? - спросил он сам себя, всматриваясь в лорнет.

Он подошел еще ближе, смотрит: перед ним молодой человек и молоденькая женщина в черном платье стоят как прикованные друг к другу объятием; казалось, поцелуй радостной встречи спаял их уста навек.

- А-а-а! - проговорил барин почти над их ухом.

Они очнулись и с испугом взглянули на барина.

- Ничего, ничего, не пугайтесь, - сказал он, -

я только посмотрел, не бельмо ли у меня в глазу.

- Порфирий, пойдем скорей, - проговорила молоденькая женщина, взяв за руку молодого человека, который совершенно обеспамятел, - пойдем, Порфирий!

И они скорыми шагами удалились.

- А-а-а! - повторил барин, - это очень мило.

(1850)

А. Ф. ВЕЛЬТМАН

Не дом, а игрушечка! Печатается по изданию: Вельтман Александр.

Повести и рассказы. М.: Советская Россия, 1979.

С. 381. Сорочины - поминки на сороковой день после смерти.

"Чурова долина, или Сон наяву" - опера А. Н. Верстовского.

С. 399. Павел Воинович - Нащокин (1801 - 1854) - близкий друг А. С. Пушкина, отставной поручик; в московском доме Нащокина Пушкин останавливался в 1830-е гг., в свои приезды в Москву.

С. 400. Присутствовавший тут же поэт - А. С. Пушкин; далее следует его стихотворение

"Веселый пир" (1819), опубликованное впервые в альманахе "Мнемозина" (1824).

С. 405. Опекунский совет - в дореволюционной России учреждение, ведавшее управлением воспитательных (сиротских) домов и имевшее право заниматься кредитными операциями.

С. 406. ...подушку, шитую синелью по буфмуслину. - Синель - бархатный шнур, махровая нить. Буфмуслин - сорт ткани, отличавшейся особой тонкостью, которая производилась в городе Мосула (Малая Азия).

С. 407. Амосовская печь - отопительное устройство, по которому тепло передается гретым воздухом; названо по имени изобретателя Н. А. Аммосова (1787 - 1868) - офицера-артиллера.